

**Соловьев-Несмелов Николай
Александрович**

Маленькие дети

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович С.**
Маленькие дети / Соловьев-Несмелов Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 62 с.

ISBN 978-5-519-74834-6

ISBN 978-5-519-74834-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

почкой, принакрытой старательно темно-зеленымъ абажуромъ далеко не по ея мініатюрной величинѣ. Видимо добрая старушка заботливо роется въ дряхлой уже памяти, припоминая для своей любимицы что-нибудь новенькое, интересное. Но это ей какъ-то не дается; въ ея головѣ тоже растляется мракъ, полусвѣтъ, полусвѣтъ и мракъ всего пережитого, какъ въ этой комнатѣ.—Оля скоро помогла своей нянѣ въ непосильной борьбѣ припоминаній; ея звонкій голосокъ, спугнувши старушечью задумчивость, вывелъ милую Аринушку изъ потемокъ; старушка, вся вздрогнувъ, невольно отозвалась ласковымъ: «ась?!» и добродушно улыбнулась...

— «Что ты задремала, няня!?. Ты вотъ лучше расскажи-ка какъ живутъ дѣти въ селахъ, такіе, какъ я? Что дѣлаютъ, какъ играютъ? Вѣдь и я, знаешь, родилась въ селѣ... меня

оттуда увезли, помнишь, маленькую-маленькую... каплюшечную, мама говоритъ...»

— Какъ не знать, не помнить, моя сударка,—вѣдь я же тебя выняньчила... съ перваго денька, какъ ты проглянула глазками на свѣтъ-то Божій, столько у кормилки на рукахъ не была, сколько у няни Арины започивала... О-о-охъ-охъ-охъ!.. «Старое-то старится,—молодое растеть...» А-и что тебѣ, свѣтикъ мой, далось это село, на что оно... рази то сказка?!. Да и что тебѣ за указъ деревенскіе ребята,—какого у нихъ добра-то наймашься?!

— «Нѣтъ, разскажи, разскажи!..»

И дѣвочка пристаётъ къ нянѣ, трясетъ ее за миткалевый рукавъ; глядитъ на нее такъ серьезно, какъ большая.

— Ну, пусть будетъ по твоему: разскажу я, пожалуй, если ужъ такъ

крѣпко пожелалось... А ты ложись себѣ въ теплую постельку...

Улеглась Оля,—и няня повела свой длинный-длинный, усыпляющій разсказъ.

— «Далеко-далеко, межъ частыхъ лѣсовъ, межъ крутыхъ горъ—пробѣгаеть-протекаетъ рѣчка-не-рѣчка,—и ключемъ нельзя назвать,—такъ она мала, что большой человѣкъ перешагнетъ чрезъ нее и ногъ себѣ не замочить; прозывается та рѣчка Сокуркой. На этой самой рѣчкѣ, на Сокуркѣ, разбросалось-разметалось село большое-пребольшое. Тамъ и сямъ пестрѣютъ избы изъ чернолѣся,—которая поновѣй, веселѣе глядитъ махонькими оконцами, а которая постарше, та потемнѣла, знаешь, али совсѣмъ покачнулась въ сторону—жа-

лостнѣй выглядить изъ-подъ старой соломенной крыши, кабы пощады у времени просить... Все тоже-тоже, что и вездѣ по селамъ, — то али другое жильѣ больше врозь стоять, зря, — задомъ, бокомъ другъ къ дружкѣ: какъ будто осерчали и нелюбо имъ сосѣдство. Лѣску-то немного у крестьянства, — ну и берегутъ его, какъ свой глазъ, больше *кизикомъ* топять, — (это, знаешь навозъ въ кирпичъ сбиваютъ, сушатъ его; а потомъ за мѣсто дровъ и употребляютъ, когда нужно обогрѣть жильѣ, али сварить что), — по селу-то иногда крѣпко разить душкомъ, отъ этого самага топлива, да народъ тамъ небалованный, ко всему, т. е., привыкъ. Въ этомъ селѣ я знала не мало ребятъ, жилось имъ со всячинкой, когда жутко, а когда и весело... Соберутся, бывало, они большой гурьбой на широкую, вольную улицу, — тогда ихъ дѣтскому смѣху, веселью

и не видишь конца,—потѣшаютъ сами себя, на свободѣ, кто во что гораздъ: какой ни-на-есть дудкой, кнутомъ, рѣзвой бѣготней... а то зальются въ дальній лѣсъ по ягоды, по грибы, али на купанье, на рѣку... На рѣкѣ, по веснѣ, лѣтомъ, кто ловить бойкихъ огольцовъ, пискарей (мелкая рыба такая),—кто взбирается на дерево, къ птицамъ поближе. Вонъ,—какъ сейчасъ вижу, — (старушка увлеклась, оживилась воспоминаніями своего ранняго прошлаго),—одинъ паренекъ ужъ близко-близко подбирается къ вороньему гнѣзду; трещать подъ нимъ сухіе ломкіе сучья, трещить посканъ на рубахѣ; крѣпко проѣхаль вострый сучекъ по грязной ногѣ,—кой-гдѣ, по мѣстамъ, выглянула кровь на ней, а онъ, знай, все взбирается выше да выше... Вотъ ужъ близко поднялся къ желанному мѣсту: косматая головенка паравнѣ съ гнѣздомъ;

силится малышъ заглянуть въ него, хочется ему узнать, что тамъ есть,— но вдругъ шумно затрещали и разомъ подломились подъ нимъ сухія сучья—и... проказникъ, какъ снопъ, валится съ дерева... Ребята хохочутъ, хлопаютъ въ ладоши; вся ватага ихъ всполошилась; живо поднялись они на ноги, сбѣжались въ кучу, кричатъ: «мала куча!»—и всѣ-то другъ на друга валятся. Бѣдному пареньку больно, но онъ не плачетъ: поежился съ минуту крестьянскимъ выносливымъ тѣломъ, помоталъ ноженками и живо вскочилъ...—«Что какковы вороньи-то яички?!..» кричатъ ему насмѣшливо малыши. — Сморщился мальчуганъ, смотритъ сердито кругомъ и, не думая долго, прыгъ къ дереву,—и вотъ опять уже взбирается проворно наверхъ. Ребята обступили дерево, не отходятъ, смотрятъ, что-то будетъ въ другой разъ...

—Агашка не лѣзь въ кучу, — прида-
вятъ...— «Панфилка не толкайся, дай
взглянуть...» — «Долѣзеть, ай нѣтъ...»
— «Знамо, долѣзеть...» — «Ой-ли?!...»
Идутъ внизу ребячьи споры и глаза
всѣхъ такъ и не отходятъ отъ пол-
зущаго цѣпко по дереву Проши, сер-
чишки замираютъ, — таково имъ и
жутко и радостно... Самая маленькая
изо всѣхъ Паланька растопырила да-
же ручки, будто словить хочетъ
смѣльчака, да такъ и замерла... не
смигнетъ ни однимъ глазомъ... И что
же?.. Проня взобрался-таки на самую
то-исть верхушку, уцѣпился ногами
вокругъ дерева, хлопаетъ въ ладоши,
весело смѣется, — и внизу всѣ разомъ
ему отвѣчаютъ тѣмъ же; потомъ жи-
во вынимаетъ изъ гнѣзда пестренкія
воробыи яички и показываетъ ихъ
довольной толпѣ... Но вотъ всполо-
шились, взвились вороны, дружно под-
летаютъ къ своему лиходѣю, съ кар-

каньемъ и крикомъ, звонко хлопають крыльями, — такъ вотъ и наровятъ вцѣпится въ курчавую головенку. — «Проша! оставь ихъ... положи яйца опять на мѣсто... не то вороны глаза выклюютъ!..» кричатъ снизу ребята смѣлому мальчику. — «А вотъ я ихъ!..» И Проша съ воронами заводитъ войну, отмахивается руками, отмахивается длиннымъ сучкомъ и, положивши запазуху яйца, хочетъ спускаться съ дерева; вороны ближе и ближе насѣдаютъ на него... Снизу слышится общій гамъ: «Не тронь, не тронь!.. Не обижай Божей птицы!.. Положь, положь яйца, — отъ нихъ намъ нѣтъ помѣхи!..» кричатъ ребята. Вороны то отлетятъ, кабы переговоры какіе промежь себя ведутъ, то опять живо опустятся и жалобно-жалобно каркають, не унимаясь... И безсловесная вотъ птица, а тоже свое-то родное чуетъ и голосомъ, хоть и нѣ-

мо, такъ ведетъ, что въ ротъ тебѣ кладетъ: «зачѣмъ, молъ, тебѣ чужое... къ добру вѣдь его не приведешь; а сгубить,—сгубишь!...» Крикъ ребячій и крикъ вороній сливаются вмѣстѣ... Гамъ и стонъ гулко идутъ по малой рѣчкѣ... Тамъ временемъ, тихо, по старости лѣтъ, пробирался мимо того мѣста дѣдъ Власій на свой ичельникъ-пасѣку. Всполошился старикъ, отступилъ отъ плетней, чуть съ обрыва не свалился: не понялъ онъ сразу въ чемъ дѣло,—думалъ ужъ не Божіе-ли насланье: пожаръ, аль еще что такое нелегкое да страшное случилось... Осмотрѣлся хорошенько, видитъ: ребята гамятъ съ воронами... —«Эхъ, малыши разгамѣлись; знать, прыти-то много!...» проворчалъ старина и полѣзъ себѣ черезъ плетникъ своимъ ичелкамъ на развѣдки. Долго еще около дерева шумятъ ребята; а тамъ, глядишь опять разбре-

лись по рѣчкѣ: бѣгаютъ, купаются, роются въ песокѣ. Маленькая Даша строить печки, землянки изъ мокрого песку да что-то жалобное, грустное шепчетъ про себя, минутой и улыбнется, придавить покрѣпче песокъ, а онъ у ней разомъ и развалится во всѣ стороны,—не слышитъ она, какъ мамка голосить, высунувшись по поясъ изъ ближнихъ огородовъ:—«Даша, Дашурка, подь, покачай Уляшку, а то зычать будетъ безъ пригляду!.. Ребята, кликните мою Дарью, гдѣ она тамъ запропастилась?..»—«Даша, Даша, мамка тебя кличетъ!..» разносится по берегу. Поднялась Даша и бѣжить стрѣлой къ матери.—«Гдѣ ты тамъ пропадаешь? Аль не знаешь, что теперь мнѣ по локти работы и въ избѣ, и въ огородѣ!..»—Съ другаго конца тетка Степанида зоветъ своего Прова:—«Проша, Проша, подь сюда!.. на-ка снеси